

ские достижения алхимиков (разделение, осаждение, очистка веществ, установление их свойств) можно «экстрагировать» из эпохи и как бы включить в предысторию нынешней химии. Так, впрочем, и поступают иные историки науки, но тогда многое остается в «маточном растворе» алхимии. Но, может быть, то, что остается, и определяет ее историческую феноменальность? Да и сама «химическая» составляющая алхимии в контексте научной химии возьмет и окажется вовсе не алхимической? Так что же: химия или не химия?

А сам алхимик — гордый и всемогущий, чаящий облагодетельствовать человечество — разве не похож в этой всечеловеческой богоизбранности на гуманиста Возрождения? Но вместе с тем — отшельник-страстотерпец, тайнохранитель за семью печатями, великий молчун, но и мастер вещей в дело непригодных. Мало похож этот охранитель герметически опечатанного Сезама на гуманиста Возрождения, открытого миру и вошедшего в себя этот мир — целиком, без остатка. Так кто же он, алхимик? Провозвестник новой культуры или же замшелый ретроград — Мастер Глиняные Руки, безумный затворник?

Этих трех вопросов, заданных при первом прикосновении не к алхимии — нет! — а лишь к приблизительным ее копиям, имеющим хождение в обыденном сознании, пожалуй, достаточно, чтобы оправданно озадачить себя и двинуться в дальнейший путь.

Не пора ли обратиться к тексту? Правда, алхимический текст — реальность особого рода, представляющая эту деятельность не вполне. Алхимия как целое больше алхимического трактата, лишь частично свидетельствующего об алхимии. Алхимические реактивы испарились; аппараты проржавели, обратившись в прах; лабораторное стекло разбитось; кладка печей поветрилась. Лишь медали — впечатляющая память о считанных алхимических чудесах — лежат себе в европейских музеях, антикварной неприкосновенностью будоража легковерного посетителя либо вызывая почтительно-снисходительную улыбку. И все-таки текст есть. Есть текст, который должно понять как большой текст средневековой культуры, дабы воплотить мертвое алхимическое слово в живую предметно-словесную реальность, видимо-слышимую алхимию, воспринимаемую как образ не реликтовой — живой культуры. Пустотелое, безрезультатное ремесло на самом-то деле существует только на бумаге, то есть в тексте. Мнемонически-изустное рецептурное действие опять-таки отпечатано в священных предначертаниях текста. А экстатическое волнение, подливающее алхимическое масло в алхимический огонь, тоже, вероятно, можно вычитать в расхристанных строках письменных умозрений алхимиков. Но читая также по-настоящему результативный цеховой устав неалхимического средневековья; но слушая действенный священный псалом; но всматриваясь в подлинные шедевры... И тогда, может быть, за кривыми литерами алхимического текста проглянут готически-изысканные письмена средневековой культуры, представшей нашему взору частным текстом смолкнувшей речи алхимика; речи, которую нужно озвучить и воплотить.